

Очерки по общей теории государства

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
О-95

О-95 Очерки по общей теории государства / – М.: Книга по Требованию, 2017. – 210 с.

ISBN 978-5-458-52145-1

Книга поднимает вопросы о предмете и методе науки о государстве, определяет понятие государства, рассматривает различные функции государства, а также природу, истоки и структуру государственной власти.

ISBN 978-5-458-52145-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

допустимъ, что этой трудности не существуетъ. Допустимъ что намъ удалось ранѣе познанія предмета познать тѣ цѣли, которыя ставить себѣ наука и которыми она руководствуется, — удалось опредѣлить средства познанія или научные методы. Но, спрашивается, какъ намъ удалось это отыскать? Очевидно, при помощи какого-то метода. Допустимъ, что мы открыли и этотъ методъ; но передъ нами опять возникаетъ вопросъ: какими же методами мы его открыли и т. д. Проблема такимъ образомъ становится безконечной и тѣмъ изобличается нелѣпость ея постановки ¹⁰⁾. Нельзя безконечно спрашивать о методахъ нашего познанія и о методахъ познанія этихъ методовъ и т. д., нужно ясно понять, что предметность лежитъ въ самой природѣ нашего познанія и что, слѣдовательно, въ основѣ своей *каждое учение о методѣ есть уже нѣкоторое учение о самомъ предметѣ*. „Нельзя идти на поиски тогда, когда не знаешь, каковъ искомый предметъ, — есть ли онъ камень или звѣрь, красный-ли онъ или зеленый. Но и въ каждомъ научномъ изслѣдованіи должно наличествовать представленіе — или по крайней мѣрѣ первоначальное предположеніе — о томъ, къ какому классу предметовъ принадлежить изслѣдуемое“ ¹¹⁾. Различные методы наукъ и отличаются другъ отъ друга сообразно представленіямъ этимъ, и каждый прогрессъ въ методахъ науки покоится *на неопознанномъ проникновеніи въ новыя свойства самой вещи*. Безусловную истинность этого вывода можно подтвердить не только общими и отвлеченными соображеніями, но и рядомъ доказательствъ, взятыхъ изъ исторіи науки.

Не такъ далеко ушло время, когда въ наукахъ социальных — и въ частности въ государствовѣдѣніи — признано было исключительное господство естественно-научныхъ методовъ. Въ этомъ смыслѣ и составлялись методологическія введенія въ изученіе общественныхъ наукъ, равно какъ относящіяся сюда главы изъ общей логики. Формулировавъ основные пути, ведущіе къ познанію общихъ законовъ природы, изслѣдователи переходили затѣмъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, какіе изъ методовъ естествознанія примѣнимы къ изученію общества, какіе непримѣнимы и какъ измѣняются эти методы въ зависимости отъ новыхъ задачъ, возникающихъ передъ соціологомъ и государствовѣдомъ. Такъ, напримѣръ, и написаны тѣ страницы изъ Логики

Д. С. Милля, которыя посвящены изложенію логики наукъ соціальныхъ и которыя могутъ служить классическимъ образцомъ всѣхъ подобнаго рода методологическихъ изысканій. Но нетрудно замѣтить, что основнымъ мотивомъ всей логики соціальныхъ наукъ у Милля, такъ же какъ и у всѣхъ его предшественниковъ и послѣдующихъ сторонниковъ, является предположеніе о глубокомъ внутреннемъ сходствѣ предметовъ природы и предмета наукъ соціальныхъ. По мнѣнію Милля, какъ бы ни были сложны соціальныя явленія, „всѣ ихъ послѣдовательности и сосуществованія вытекаютъ изъ законовъ ихъ отдѣльныхъ элементовъ. Въ области общественныхъ явленій слѣдствіе сложнаго рода обстоятельствъ равняется какъ разъ суммѣ слѣдствій этихъ обстоятельствъ, взятыхъ поодиночкѣ, и сложность вытекаетъ здѣсь не изъ многочисленности законовъ (которыхъ не особенно много), а изъ необычайно большого количества и разнообразія данныхъ, или элементовъ, т. е. тѣхъ факторовъ, которые, подчиняясь этому небольшому числу законовъ, участвуютъ въ произведеніи даннаго слѣдствія“ ¹²). Другими словами, предметъ соціологіи не качественно, а количественно только отличается отъ предметовъ наукъ естественныхъ: онъ запутаннѣе и сложнѣе послѣднихъ, а потому и труднѣе для изученія, потому и требуетъ нѣкотораго видоизмѣненія научныхъ методовъ. Д. С. Милль полагаетъ, что запутанность и сложность эта наблюдается уже въ наукахъ біологическихъ и можетъ быть формулирована въ слѣдующей аксіомѣ: „нѣтъ ни одного общественнаго явленія, которое не испытывало бы большаго или меньшаго вліянія со стороны всякаго другого факта жизни того же общества, а слѣдовательно со стороны всякой причины, которая вліяетъ на всякое другое изъ явленій этого общества“ ¹³). Милль называетъ эту запутанность соціальныхъ связей „согласіемъ“, или „гармоніей“ (consensus), подобной той, которую мы наблюдаемъ между различными органами и функціями человѣческаго и животнаго организма ¹⁴). На этомъ покоятся многочисленныя и обычныя аналогіи между общественными явленіями и явленіями біологическими. Отмѣченная, чисто предметная особенность соціальныхъ явленій необходимо обуславливаетъ собою измѣненіе въ примѣненіи къ соціологіи естественно-научныхъ методовъ. Логика Милля *исходитъ изъ чисто предметныхъ*

опредѣлений, выводя изъ нихъ уже методологическія особенности социальныя наукъ. Разъ социальныя явленія обладаютъ такой сложностью взаимосплетенныхъ отношеній, наука о нихъ не можетъ быть дедуктивной по образцу математики. Въ обществѣ—говоритъ Милль—„всякая причина, по мѣрѣ распространенія своего слѣдствія, должна придти въ соприкосновеніе съ различными группами факторовъ, при чемъ ея дѣйствіе на тѣ или другія общественныя явленія будетъ различнымъ образомъ видоизмѣняться; а эти измѣненія, оказывая, въ свою очередь, воздѣйствія на причину, обусловятъ различія даже въ тѣхъ ея слѣдствіяхъ, которыя безъ этого были бы одинаковы“ ¹⁵). Эта особенность предмета обусловливаетъ собою особенности внутренняго состава науки объ обществѣ. Соціальная наука не можетъ быть похожа на математику. Она не устанавливаетъ теоремъ, „утверждающихъ во всеобщей формѣ слѣдствія какой-либо причины: она скорѣе научаетъ насъ, какъ построить теорему, соотвѣтствующую обстоятельствамъ всякаго даннаго случая. Она даетъ не законы общественной жизни вообще, а средства опредѣлять явленія любого общества на основаніи отдѣльныхъ элементовъ или данныхъ этого общества“ ¹⁶). „Короче говоря, методъ общественной науки есть тотъ конкретный дедуктивный методъ, наиболѣе совершенное примѣненіе котораго мы находимъ въ астрономіи, нѣсколько менѣе совершенное—въ физико-химическихъ наукахъ, и употребленіе котораго (съ соотвѣтствующими предмету припоровленіями и предосторожностями) начинается преобразовывать и физиологію“ ¹⁷).

Въ изложенныхъ нами мысляхъ Д. С. Милль является типичнымъ сыномъ той эпохи, которая вѣрила, что существуетъ, строго говоря, только одинъ *возможный для познанія предметъ*: это—*природа и ея строгіе, не терпящіе исключеній законы*. Никакихъ другихъ предметовъ нѣтъ и быть не можетъ, и все то, что существуетъ *сверхъ* природы, является собою образъ существованія призрачнаго и мнимаго. Придерживаясь вѣры этой, Милль повторяетъ ранѣе его высказанныя идеи Огюста Конта, который также полагалъ, что развитіе цивилизаціи подчинено строгимъ естественнымъ законамъ ¹⁸). Вѣра эта воодушевляла многихъ людей XIX вѣка, и подъ непосредственнымъ ея вліяніемъ были написаны многочисленныя сочиненія по государственной и со-

ціальної наукѣ. Когда сторонники этихъ взглядовъ писали свои „методологическія“ введенія въ государственную науку, они, подобно Миллю, высказывали свое завѣтное убѣжденіе, что государство есть *предметъ природы* и что, слѣдовательно, методы естествознанія являются необходимо методами и государствовѣдѣнія. По мнѣнію одного изъ наиболѣе извѣстныхъ представителей этихъ воззрѣній, Гумиловича, глубоко ошибались тѣ государствовѣды и ученые юристы, которые считали государство и право за нѣчто совершенно иное „чѣмъ земля и планеты, чѣмъ животное и растеніе“ ¹⁹⁾. Существуетъ только одинъ научный предметъ: природа, и только одна истинная наука: естествознаніе. „Ясно, что можетъ существовать *одно* лишь правильное понятіе о наукѣ. Невозможно, чтобы натуралистъ понималъ ее иначе, чѣмъ государствовѣдъ и юристъ. Если бы у насъ было два различныхъ понятія о наукѣ, то одно изъ нихъ, очевидно, являлось бы ложнымъ, другое—правильнымъ“ ²⁰⁾. Но въ соответствіи съ этимъ существуетъ *только одинъ* основной методъ изученія явленій,—методъ естественно-научный. „Когда натуралистъ изслѣдуетъ явленія природы, онъ систематизируетъ ихъ и этимъ путемъ старается раскрывать управляющіе ими таинственные законы. Точно такую же задачу имѣетъ теперь передъ собой историкъ, политикъ и философъ права. Онъ долженъ наблюдать явленія исторіи, государственной и правовой жизни, долженъ классифицировать эти явленія и изслѣдовать таинственные законы ихъ развитія. Данная задача имѣетъ двойную аналогію со сферой дѣятельности натуралиста: *вѣдь — во первыхъ — явленія эти изображаютъ извѣстную сторону природы, при чемъ—во вторыхъ—пріемомъ изслѣдованія служитъ одинъ и тотъ же научный методъ*“ ²¹⁾.

Посмотримъ теперь на методологическія воззрѣнія тѣхъ государствовѣдовъ, которые не раздѣляли вѣры въ то, что государство ничѣмъ не отличается отъ земли и солнца, животнаго и растенія. Соціологамъ и натуралистамъ въ политикѣ издавна противостояли юристы, которыхъ первые обычно считали мечтателями и метафизиками. Юридическое направленіе въ наукѣ о государствѣ, какъ широкое научное теченіе, возникло также въ прошломъ столѣтіи и обосновано было главнымъ образомъ германской юридической школой,

ведущей свое начало отъ Гербера ²²). Современная юридическая теорія государства имѣетъ довольно обширную методологическую литературу и своихъ различныхъ толкователей. Но какъ бы ни были велики различія у отдѣльныхъ сторонниковъ примѣненія юридическаго метода въ наукѣ о государствѣ, всѣхъ ихъ объединяетъ основной взглядъ, сводящійся къ тому, что самъ предметъ, сама внутренняя природа государства тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ правомъ. Это умственное усмотрѣніе юридической природы государственныхъ явленій, мы бы сказали даже—своеобразная *правовая интуиція*, составляетъ душу юридической методологін. Юристы въ концѣ концовъ просто видятъ то, что недоступно взору многихъ изъ крайнихъ и одностороннихъ послѣдователей натуралистической социологін: совершенно особое и въ понятіяхъ природы невыразимое лицо государства.

По мнѣнію одного изъ новѣйшихъ сторонниковъ юридическаго метода, „юридическій анализъ тѣмъ болѣе необходимъ, что только онъ позволяетъ выявить существенные и постоянные элементы государства, построить, другими словами, ту часть ученія о государствѣ, которая въ настоящее время является фактической и идейной основой государственнаго бытія: и все это потому, что, несмотря на всѣ постоянныя и безчисленныя, разнообразныя формы, постоянно воспринимаемыя государственнымъ организмомъ подъ вліяніемъ политическихъ измѣненій, существуетъ, въ качествѣ постоянной основы государства, нѣкоторое невыводимое начало, составляющее его жизненный нервъ и въ то же время силу, при помощи которой государство во временномъ процессѣ своего бытія сохраняетъ свою цѣлостность и противодѣйствуетъ враждебнымъ политическимъ вліяніямъ“ ²³). Съ этой точки зрѣнія юридическая теорія государства и имѣетъ цѣлью своей постигнуть этотъ *жизненный принципъ* государства, „безъ котораго нѣтъ науки, но есть только безформенная и лишенная органическаго характера куча фактовъ и эмпирическихъ обобщеній“ ²⁴). И чтобы достигнуть такой цѣли, наука о государствѣ „должна руководствоваться въ своихъ изысканіяхъ методомъ, существенно ей свойственнымъ, чуждымъ всякимъ социологическимъ, историческимъ и политическимъ вліяніямъ; этотъ методъ можетъ быть толь-

ко методомъ юридическимъ“²⁵⁾. Безспорно, что не всегда высказывалась и признавалась такъ открыто предметная, мы сказали бы даже, субстанціальная сила юридической методологіи. Но не увѣренностью ли въ эту силу вдохновлялись изслѣдованія тѣхъ юристовъ, которые построения юридической теоріи государства сдѣлали своей основной жизненной задачей? Такъ, по мнѣнію Гербера, правовая сторона государственнаго бытія конечно не покрываетъ собою государственнаго цѣлаго. Право подчиняетъ себѣ только одну часть культурной жизни государства, однако часть эта по своей интенсивности имѣетъ *огромнѣйшее значеніе, такъ какъ она опредѣляетъ собою условія жизни государства*²⁶⁾. Именно, волевая мощь государства, государственная власть, есть его право. Государственное право есть, стало быть, ученіе о государственной власти, и оно рѣшаетъ основной вопросъ: каково можетъ быть содержаніе государственной воли²⁷⁾? Юридическій методъ съ этой точки зрѣнія, по правильному замѣчанію Отто Гирке, „есть такой способъ научнаго изслѣдованія, который обусловленъ особыми свойствами изслѣдуемаго матеріала, поскольку матеріаль этотъ является „правомъ“²⁸⁾.

Если мы перейдемъ теперь къ тѣмъ направленіямъ въ государственной наукѣ, которыя одинаково отрицательно относятся и къ естественно-научному соціологизму и къ чисто юридической теоріи государства, то и у нихъ мы не сможемъ не отмѣтить убѣжденія, что пути, ими предлагаемые, внушены первоначальнымъ представленіемъ о свойствахъ и принципахъ изслѣдуемаго ими объекта. Когда наукѣ о государствѣ предлагаютъ идти путями исторіи, дѣлается это изъ соображенія, что „только одна исторія-можетъ доставить политической наукѣ необходимыя для нея данныя, въ согласіи съ ея объектомъ и съ ея цѣлями“²⁹⁾. Поэтому противники юридизма, призывающіе государственную науку къ историческимъ изысканіямъ, упрекаютъ юристовъ въ томъ, что ихъ методъ ведетъ къ *денатурализации* государственныхъ явленій. Предметъ изслѣдованія ускользаетъ изъ рукъ юристовъ и основныя понятія совершенно искажаются. И все это потому, что предметъ науки о государствѣ иной, чѣмъ предметъ, подлежащій изслѣдованію юристовъ. Въ то время какъ область частно-правовыхъ отношеній, будучи областью гдѣ

проявляются постоянныя свойства человеческой природы, не ставить никакихъ естественныхъ препятствій тому, чтобы въ юридической наукѣ всѣхъ народовъ образовалась система понятій, развитая уже во всей полнотѣ римскими юристами,—въ области публичнаго права „безчисленное разнообразіе индивидуальныхъ признаковъ дѣлаетъ совершенно невозможнымъ выработку абстрактныхъ формулъ“³⁰). А, следовательно, „въ историко-генетическихъ изысканіяхъ,—какъ говоритъ одинъ изъ представителей излагаемаго воззрѣнія, нѣмецкій юристъ Штёрнь,—„мы видимъ единственный суррогатъ, способный для области публичнаго права замѣнить методологическіе приемы логической абстракціи обобщеніи цивилистическаго метода“³¹). Нельзя не видѣть, что и здѣсь принципиальный взглядъ на свойства объекта опредѣляетъ методологическую точку зрѣнія автора.

Мы касались до сей поры тѣхъ методологическихъ направленій въ наукѣ о государствѣ, которыя создались безъ всякаго вліянія со стороны критической философіи. Но въ исторіи науки о государствѣ, какъ мы видѣли, пробилъ часъ, когда она начала искать своего Канта. Съ этого момента, казалось, методологическія исканія въ государственныхъ наукахъ должны были приобрести совсѣмъ новое направленіе: тяготѣніе къ объекту должно было замѣниться стремленіемъ познать тотъ разумъ, который изслѣдуетъ государство, ставить свои познавательныя цѣли и пріискиваетъ средства для ихъ успѣшнаго выполненія. Ибо, какъ было уже сказано ранѣе, критицизмъ имѣетъ сознательное и обоснованное намѣреніе „изучать формы мысли ранѣе самаго познанія предмета или выучиться плавать, не входя въ воду“. Къ чему же фактически привело это заданіе, теоретическая трудность котораго была уже нами выяснена?

При отвѣтѣ на этотъ вопросъ приходится повторить все то, что нами было высказано о методологіи, еще непросвѣщенной свѣтомъ критики. Заслуги „критической методологіи“ государственныхъ наукъ весьма велики и значительны, но главнымъ образомъ опредѣляются онѣ тѣмъ, что критическая философія помогла государственнымъ умамъ узрѣть въ предметѣ ихъ такія новыя стороны и такія особенности, которыя ранѣе, если и чувствовались, то не получали разумной формулировки. О философіи Канта вообще нужно сказать, что заслуга ея сво-

дится вовсе не къ тому, что она перенесла познавательный интерес съ предмета познанія на познающій и разсуждающій умъ. Въ подобной направленности на субъектъ не было бы еще ничего оригинальнаго, если бы она не сопровождалась обнаруженіемъ и открытіемъ въ области познавательной дѣятельности совсѣмъ новыхъ и чисто предметныхъ горизонтовъ. Какъ извѣстно, Кантъ сдѣлалъ объектомъ своей критики самый фактъ естественно-научнаго опыта. Міръ природы или міръ опыта, согласно Канту, слагается изъ необходимыхъ пространственно-временныхъ и причинно-обусловленныхъ отношеній, но, — такъ поставилъ вопросъ Кантъ, — само пространство и время и сама причинная связь являются ли они предметами естественно-научнаго опыта, т.-е. подчинены ли они въ свою очередь условіямъ пространства, времени и причинности? И, отвѣчая на этотъ вопросъ, Кантъ попытался утвердить мысль, что сами условія опыта не являются уже предметами природы, но представляютъ собою особые объекты особаго рода философскаго знанія. Философское предпріятіе Канта съ этой стороны своей было одной изъ значительнѣйшихъ попытокъ *ограничить* универсальную силу естественно-научнаго наблюденія, и попытка эта основывалась на томъ, что *сверхъ* природы былъ открытъ еще міръ предметовъ, не менѣе достойныхъ познанія, чѣмъ сама природа, и даже составляющихъ какъ бы условіе для построенія самаго естественно-научнаго опыта. Отнынѣ безусловно сомнѣнію подвергся взглядъ, что *сверхъ* природы вообще ничего не существуетъ и не познается, и положительное стремленіе философіи направилось къ отысканію именно того, что лежитъ *внѣ* естественно-научнаго опыта и, несмотря на это, можетъ быть предметомъ для познанія. Другими словами, если отрицательная задача критики сводилась къ *ограниченію* естествознанія, то положительная задача можетъ быть опредѣлена, какъ болѣе или менѣе явно выраженное стремленіе къ *интуиціи новыхъ предметовъ*. Критицизмъ очистилъ почву для такой интуиціи и въ этомъ лежитъ величайшая его заслуга. И это есть заслуга всей критической методологіи, — заслуга, которую сами критцисты иногда преуменьшаютъ и даже не чувствуютъ: ибо ихъ устремленность на субъективный процессъ мысли заставляетъ какъ бы позабывать, что на самомъ дѣлѣ осуществляется ими интеллектуальное прозрѣніе новыхъ познаватель-

ныхъ возможностей, новыхъ предметовъ и новыхъ предметныхъ отношеній.

Изъ различныхъ направленій, возникшихъ при толкованіи этой основной идеи Канта, особое вліяніе на методологію государственныхъ наукъ оказали взгляды двухъ германскихъ философовъ: Виндельбанда и Риккерта. Мы хотѣли бы рассмотреть здѣсь взгляды ихъ, отвлекаясь отъ интересовъ философскихъ школъ, отъ темныхъ и иногда запутанныхъ философскихъ разсужденій, просто, съ точки зрѣнія ихъ непосредственнаго предметнаго значенія для нашей науки. Что могло дать ей, на самомъ дѣлѣ, это критическое ограниченіе познавательнаго значенія природы и вытекающая отсюда философская жажда къ познаванію новыхъ связей и новыхъ отношеній? Прозрѣли ли что-нибудь новое тѣ представители науки нашей, которые стали искать Канта въ государствовѣдѣніи? И нужно признать, что несомнѣнно *ничто* прозрѣли, — при чемъ *ничто*, для государственной науки немаловажное и значительное. Увидѣли они, прежде всего, что предметъ науки о государствѣ далеко не обнаруживаетъ той необходимой законосообразности, которая характерна для большинства предметовъ природы. Правда, многими это и ранѣе чувствовалось. Мы видѣли, что даже Д. С. Милль находилъ въ предметѣ политики нѣкоторое своеобразіе; тѣмъ болѣе должны были находить его сторонники юридическаго и историческаго методовъ въ наукѣ о государствѣ. Однако, это смутно предчувствуемое своеобразіе не находило понятій для того, чтобы быть точно формулированнымъ. Школа Виндельбанда и Риккерта какъ-разъ и доставила для этого новыя и удачныя формулировки. Продолжая дальнѣйшую работу Канта въ области ограниченія значенія естественно-научнаго опыта, Виндельбандъ, а за нимъ Риккертъ, усмотрѣли, что въ самихъ наукахъ о дѣйствительности, въ эмпирическихъ наукахъ, наблюдается нѣкоторое, незамѣченное еще Кантомъ, расчлененіе, указывающее, что съ точки зрѣнія философской идея „опыта“ вовсе уже не такъ единообразна, какъ это кажется многимъ естествоиспытателямъ³²⁾. Напротивъ того, есть два рода „опытныхъ“ наукъ: науки обобщающія, съ одной стороны, науки индивидуализирующія съ другой. „Опытныя науки, — говоритъ Виндельбандъ, — ищутъ въ познаніи реальнаго міра либо общее, въ формѣ закона природы, либо единичное, въ егѠ

исторически-обусловленной формѣ; онѣ изслѣдуютъ, съ одной стороны, *неизмѣннуо форму* реальныхъ событій, съ другой— ихъ *однократное, въ себѣ самомъ определенное содержаніе*. Однѣ изъ нихъ суть науки о законахъ, другія—науки о событіяхъ; первыя учатъ тому, что всегда имѣетъ мѣсто, послѣднія—тому, что однажды было“³³). Первыя изъ нихъ суть науки *номотетическія*, вторыя—*идіографическія*³⁴).

Это противопоставленіе двухъ родовъ знанія у Виндельбанда и Риккерта имѣетъ смыслъ методологическій³⁵). Однако, легко видѣть, что оно можетъ имѣть также и значеніе чисто предметное, или *онтологическое*. Какъ справедливо учить одинъ французскій авторъ, свободный отъ субъективно-психологическихъ устремленій неокантіанской философіи, существуетъ, вообще говоря, въ природѣ два рода фактовъ—*факты повторенія* и *факты послѣдовательной смѣны* (*les faits de répétition et les faits de succession*]³⁶). Существенной особенностью первыхъ является воспроизведеніе того же самаго явленія, и въ этомъ воспроизведеніи совершенно неважны тѣ измѣненія, въ которыхъ явленіе повторяется. Напротивъ, въ фактахъ послѣдовательности главнымъ моментомъ является, именно, то, что отличаетъ предшествующій моментъ отъ послѣдующаго; для нихъ существененъ не общій, а дифференціальный элементъ³⁷). Повторяющіеся факты являются основой всего существующаго; тогда какъ измѣненіе есть тотъ цвѣтокъ, который вырастаетъ на этой основѣ. „Это различіе, — говоритъ Ксенополь, — заложено въ нашъ духъ самой природой наблюдаемыхъ фактовъ; оно объективно. Повторяющіяся явленія обнаруживаютъ передъ нами свое постоянное лицо; явленія же послѣдовательности—лицо измѣнчивое... Это не мы выдумываемъ статическую и динамическую природу вещей: сама матерія обладаетъ этими двумя леками“³⁸).

Вотъ это-то принципиальное различеніе двухъ разнородныхъ по своему смыслу фактовъ, сдѣланное въ методологическихъ изысканіяхъ виндельбандъ-риккертовской школы, не могло не оказать самаго существеннаго вліянія на государственовѣдѣніе. И прежде всего передъ государственовѣдами сталъ кардинальный вопросъ, къ какой области наукъ принадлежитъ наука о государствѣ,—къ области ли наукъ, изучающихъ законы, или къ области наукъ идиографическихъ? Или, пере-